

ПОЛОЖЕНИЕ
о Герценовской олимпиаде по переводу
“Высокое искусство”
(проводится в рамках Фестиваля знаменитых писателей
«Текст в контексте»)

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Настоящее Положение определяет цели, задачи, сроки, порядок проведения молодежного конкурса художественного перевода (далее - Олимпиада), критерии оценки и требования к ее участникам, порядок определения победителей и призеров.

1.2. *Инициатором* Олимпиады выступает СПбГБУК Государственный литературный музей «XX век», *организатором олимпиады* является Институт иностранных языков им. А.И. Герцена.

1.3. Для целей настоящего Положения используются следующие понятия:

Оргкомитет олимпиады – коллектив, сформированный организаторами Олимпиады в целях осуществления методического и технического обеспечения проведения конкурса;

конкурсная комиссия – группа специалистов, оценивающих конкурсные работы и решающих вопрос о распределении мест среди участников Олимпиады;

конкурсный текст – единый для всех категорий участников Олимпиады текст на иностранном языке, подобранный и утвержденный членами Конкурсной комиссии для перевода;

конкурсная работа – авторский текст художественного перевода конкурсного текста;

номинант олимпиады – участник Олимпиады, включенный решением Конкурсной комиссии в число участников Олимпиады по соответствующей номинации, заявки которых, по мнению Конкурсной комиссии, свидетельствуют о достижении лучших результатов;

победители олимпиады (дипломант Олимпиады 1 степени, дипломант Олимпиады 2 степени, дипломант Олимпиады 3 степени) – номинанты Олимпиады, достигшие, согласно решению Конкурсной комиссии, лучших результатов среди номинантов Олимпиады в соответствующей категории Олимпиады.

1.4. Для участия в Олимпиаде необходимо заполнить и отправить в установленном порядке *Заявку* (одна Заявка на участие в одной номинации).

1.5. К участию в Олимпиаде допускаются учащиеся средних школ, студенты средних специальных и высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

1.6. Конкурсные работы номинантов и дипломантов могут размещаться на страницах социальной сети ВКонтакте инициатора и сайте организатора Олимпиады.

2. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОНКУРСА

2.1. Основными целями конкурса являются сохранение и развитие традиций российской школы художественного перевода, развитие и распространение культуры русского языка, письменной и устной речи, привлечение внимания общественности и молодых переводчиков к вопросам перевода художественной литературы.

2.2. Задачи конкурса:

- приобретение навыков перевода художественных текстов на русский язык;
- формирование грамотной письменной речи;
- знакомство участников конкурса с основами теории и практики художественного перевода;

- повышение качества перевода прозаических текстов, предназначенных для детей;
- инициирование чтения книг, как на русском, так и на иностранных языках;
- стимулирование творческого потенциала молодежи.

2.3. Основными принципами Олимпиады являются добровольность участия, открытость и коллегиальность, обеспечивающие объективное и доброжелательное отношение к конкурсантам.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ КОНКУРСА

3.1. Олимпиада проводится по четырем номинациям:

- художественный перевод детской прозы с немецкого языка на русский язык (конкурсный текст в Приложении 4)
- художественный перевод детской прозы с французского языка на русский язык (конкурсный текст в Приложении 4)
- художественный перевод детской прозы с испанского языка на русский язык (конкурсный текст в Приложении 4)
- художественный перевод детской прозы с китайского языка на русский язык (конкурсный текст в Приложении 4)

Один участник Олимпиады может участвовать одновременно в четырех различных номинациях Олимпиады.

3.3. Выполнение задания Олимпиады предусматривает художественный перевод конкурсного текста с немецкого, французского, испанского и китайского языков на русский язык.

3.4. Олимпиада предусматривает выявление и поощрение победителей Олимпиады (дипломант Олимпиады 1 степени, дипломант Олимпиады 2 степени, дипломант Олимпиады 3 степени) в каждой из четырех номинаций, результаты дипломантов 1 степени учитываются в качестве индивидуальных достижений при поступлении в университет.

3.5. Оценка конкурсных работ осуществляется Конкурсной комиссией.

3.6. Конкурсная комиссия и оргкомитет Олимпиады формируются Организатором Олимпиады согласно порядка, отраженному в настоящем Положении п.5.

3.7. **Оргкомитет олимпиады и конкурсная комиссия** могут принять особое решение, касающееся поощрения участников, с соответствующим обоснованием этого решения.

4. СРОКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОЛИМПИАДЫ

4.1. Сроки проведения Олимпиады – с 14 сентября 2023 г. до 14 октября 2023 г.

4.2. Заявки на участие в Олимпиаде принимаются в электронном виде в срок **до 23 часов 59 минут 14 октября 2023 года (адрес festival@museum-xxvek.ru).**

4.3. Итоги олимпиады объявляются **25 октября 2023 года** и публикуются на страницах социальной сети ВКонтакте инициатора и сайте организатора Олимпиады, а также на сайте <https://museum-xxvek.ru/festival>. Награждение победителей состоится 27 октября 2023 года.

5. ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ ОРГКОМИТЕТА И КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

5.1. Состав оргкомитета формируется из представителей инициатора и организатора Олимпиады с привлечением профессорско-преподавательского

состава Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, члены Переводческого клуба «Глоссар».

5.2. Оргкомитет:

- руководит проведением Олимпиады;
- осуществляет методическое обеспечение Олимпиады;
- готовит материалы для освещения организации и проведения Олимпиады на сайте <https://museum-xxvek.ru/festival>, странице социальной сети ВКонтакте инициатора Олимпиады, и организатора Олимпиады, а также на странице кафедры немецкой филологии на официальном сайте в сети Интернет РГПУ им. А. И. Герцена.

5.3. Конкурсная Комиссия формируется из профессорско-преподавательского состава РГПУ им. А. И. Герцена с привлечением известных переводчиков, научных сотрудников Государственного литературного музея «XX век», Детской библиотеки иностранной литературы им. М. Д. Яснова, Центральной городской библиотеки им. В. Маяковского.

5.4. Председатель Конкурсной Комиссии – Директор Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

5.5. Права и обязанности Конкурсной Комиссии:

5.6.1. Конкурсная комиссия подводит результаты олимпиады.

5.6.2. Конкурсная комиссия имеет право:

- отмечать грамотами переводы отдельных участников;
- совместно с оргкомитетом снять с олимпиады участника, не соответствующего требованиям Положения и поданной заявки.

5.6.3. Решение комиссии является окончательным и пересмотру не подлежит, если оно не противоречит настоящему Положению.

5.6.4. В случае равного количества голосов право решающего голоса принадлежит председателю комиссии.

5.6.5. Члены конкурсной комиссии обязаны:

- выставлять свои баллы в индивидуальных оценочных листах;
- подписывать протоколы комиссии.

6. ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗАЯВОК И КОНКУРСНЫХ РАБОТ

6.1. Объявление о начале приема заявок на участие в Олимпиаде размещается на сайтах и социальных сетях Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, Государственного литературного музея «XX век» и партнеров Фестиваля знаменитых писателей «Текст в контексте».

6.2. Для участия в Олимпиаде от одного участника может быть подана одна заявка на участие в Олимпиаде по четырем номинациям.

6.3. Один участник Олимпиады может участвовать одновременно в четырех различных номинациях Олимпиады, для этого подается по одной заявке на каждую номинацию (максимальное количество заявок от одного участника – 4 заявки).

6.4. К участию в Олимпиаде допускаются работы, выполненные лично заявителями. В случае установления факта подлога и/или нарушения авторских прав, все работы, представленные нарушителем, снимаются с рассмотрения Организатором Олимпиады. Нарушитель к дальнейшему участию в Олимпиаде не допускается. Решение по данному вопросу принимается Конкурсной комиссией.

6.5. Заявка содержит информацию о конкурсантах и согласие на публикацию в сети интернет (Приложение 5).

6.6. Оргкомитетом Олимпиады проверяется полнота и качество оформления заявок, идентичность сведений в электронной форме заявки.

6.7. По окончании приема заявок на участие в Олимпиаде оргкомитет может предложить участнику представить дополнительную информацию.

6.8. Участнику может быть отказано в праве участия в Олимпиаде, если заявка на участие в конкурсе подана позже установленного срока или представленные документы не соответствуют требованиям раздела 7 настоящего Положения.

6.9. Заявка на участие в Олимпиаде и конкурсная работа представляются вместе и отправляются на адрес электронной почты Фестиваля знаменитых писателей «Текст в контексте» festival@museum-xxvek.ru с пометкой «**Олимпиада по переводам**».

6.10. Конкурсная работа должна соответствовать следующим требованиям оформления: текст набран в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1,5).

6.11. Конкурсные работы, не соответствующая форме, определенной Положением об Олимпиаде, отклоняются без рассмотрения.

6.12. Организатор Олимпиады не несет ответственности за возникшие при передаче и получении заявок ошибки в компьютерных системах, оборудовании, программном обеспечении, сетевых программах и другие ошибки, сбои и неполадки любого рода, причиной которых стал человеческий или технический фактор.

6.13. Отправка работы на Олимпиаду является подтверждением, что участник ознакомлен с данным Положением и согласен соблюдать порядок и условия проведения Олимпиады.

6.14. Участие в Олимпиаде осуществляется на бесплатной основе.

7. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОДАННЫХ ЗАЯВОК

7.1. При оценке конкурсных работ учитываются:

- уровень владения иностранным языком;
- оригинальность авторского перевода;
- точность передачи содержания переводимого произведения.

7.2. При оценке конкурсной работы используется пятибалльная система:

- «5» - вышеперечисленные качества выражены в высшей степени;
- «4» - вышеперечисленные качества выражены в достаточно высокой степени;
- «3» - вышеперечисленные качества выражены в средней степени;
- «2» - вышеперечисленные качества выражены в неудовлетворительной степени;
- «1» - вышеперечисленные качества отсутствуют.

7.3. Порядок выставления и подсчета баллов

– Каждый член конкурсной комиссии выставляет оценку каждому конкурсанту по пятибалльной системе в целых числах в индивидуальном оценочном листе.

– Выставленные в индивидуальном оценочном листе каждым членом комиссии баллы вносятся в сводный оценочный лист, в котором выводится средний балл каждого участника и переносится в протокол.

– Протокол оформляется и заверяется подписями всех членов конкурсной комиссии

7.4. Протоколы конкурсной комиссии передаются в оргкомитет.

7.5. Конкурсные тексты номинантов публикуются на сайте организатора Олимпиады. Ссылка на размещенные на сайте организатора тексты публикуются также на сайте и страницах социальных сетей инициатора Олимпиады.

7.6. Результаты Олимпиады публикуются на интернет-сайте организатора Олимпиады и социальных сетей инициатора и организатора Олимпиады.

8. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВОК, ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ОЛИМПИАДЫ

8.1. Рассмотрение заявок проходит в несколько этапов:

8.1.1. Прием заявок и рассмотрение их на техническое соответствие условиям Олимпиады (по мере поступления) проходит: с 14 сентября по 14 октября 2023 г. включительно.

В течение 3-х рабочих дней с момента получения заявки и конкурсной работы, они проверяются на техническое соответствие требованиям Порядка предоставления заявок и конкурсных работ.

8.1.2. В течение 5 дней с момента окончания сбора заявок проходит экспертная оценка конкурсных работ. Члены Конкурсной комиссии знакомятся с материалами независимо, удаленно, и готовят свои заключения о соответствии материалов заявки общим критериям, перечисленным в п. 7.1, выставляя оценку от 1 до 5 баллов, согласно п. 7.2

8.2. Конкурсная комиссия принимает решение при определении победителей Олимпиады путем подсчета итогового балла. При равном количестве баллов итоговое решение принимает председатель Конкурсной комиссии.

8.3. Решение Конкурсной комиссии оформляется протоколом, который подписывается председателем и каждым членом Конкурсной комиссии.

9. НАГРАЖДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОЛИМПИАДЫ

9.1. Награждение победителей Олимпиады проводится в торжественной обстановке на заключительном мероприятии — церемонии награждения с учетом существующих санитарно-эпидемиологических требований и Стандарта безопасной деятельности учреждения, на территории которого проходит награждение.

9.2. Победителям и номинантам Олимпиады, вручаются дипломы I, II, III степени, победителям Олимпиады в каждой номинации вручаются призы/ баллы.

9.3. Дипломанты Олимпиады по решению центрального оргкомитета олимпиад, проводимых РГПУ им. А. И. Герцена в соответствии с правилами приема в университет текущего учебного года могут получить дополнительные баллы в качестве учета индивидуальных достижений при поступлении в университет.

10. ИНЫЕ УСЛОВИЯ

10.1. Авторские права на текст конкурсной работы принадлежат участникам Олимпиады, при условии соблюдения прав авторов произведений (работ).

10.2. На всех этапах организации и проведения Олимпиады и иных его мероприятий сохраняется и указывается авторская принадлежность каждой работы. Авторские права участников Олимпиады регулируются Гражданским Кодексом Российской Федерации (часть четвертая, глава 70).

10.3. Инициатор и организатор Олимпиады в своей деятельности руководствуются действующим законодательством Российской Федерации и настоящим Положением.

10.4. Настоящее Положение утверждается Утверждено решением центрального оргкомитета олимпиад, проводимых РГПУ им. А. И. Герцена № 1 от 13.09.2023 и приказом директора Государственного литературного музея «XX век» и вступает в силу со дня его утверждения.

10.5. Настоящее Положение действует до принятия нового Положения или отмены настоящего Положения.

ФИО	
Псевдоним	
Дата рождения	
Эл. адрес, телефон (дом. или моб.)	
Место учебы	
ФИО учителя/ научного руководителя	
<p>К заявке прилагается перевод</p> <p>Адрес: festival@museum-xxvek.ru с пометкой «Конкурс перевода» Сроки подачи: до 14 октября 2023 включительно</p>	

Приложение 2. Конкурсные тексты

Немецкий язык: Для школьников

Gerhart Hauptmann «Bahnwärter Thiel»

Thiel erzählte nun, wie er Tobias einer alten Frau übergeben, die ihn einmal beinahe habe verbrennen lassen, während er ein anderes Mal von ihrem Schoß auf die Erde gekugelt sei, ohne glücklicherweise mehr als eine große Beule davonzutragen. Das könne nicht so weitergehen, meinte er, zudem da der Junge, schwächlich wie er sei, eine ganz besondere Pflege benötige. Deswegen und ferner, weil er der Verstorbenen in die Hand gelobt, für die Wohlfahrt des Jungen zu jeder Zeit ausgiebig Sorge zu tragen, habe er sich zu dem Schritte entschlossen. --

Gegen das neue Paar, welches nun allsonntäglich zur Kirche kam, hatten die Leute äußerlich durchaus nichts einzuwenden. Die frühere Kuhmagd schien für den Wärter wie geschaffen. Sie war kaum einen halben Kopf kleiner wie er und übertraf ihn an Gliederfülle. Auch war ihr Gesicht ganz so grob geschnitten wie das seine, nur dass ihm im Gegensatz zu dem des Wärters die Seele abging.

Wenn Thiel den Wunsch gehegt hatte, in seiner zweiten Frau eine unverwüstliche Arbeiterin, eine musterhafte Wirtschaftlerin zu haben, so war dieser Wunsch in überraschender Weise in Erfüllung gegangen. Drei Dinge jedoch hatte er, ohne es zu wissen, mit seiner Frau in Kauf genommen: eine harte, herrschsüchtige Gemütsart, Zanksucht und brutale Leidenschaftlichkeit. Nach Verlauf eines halben Jahres war es Ortsbekannt, wer in dem Häuschen des Wärters das Regiment führte. Man bedauerte den Wärter.

Es sei ein Glück für »das Mensch«, dass sie ein so gutes Schaf wie den Thiel zum Manne bekommen habe, äußerten die aufgebrachten Ehemänner; es gäbe welche, bei denen sie gräulich anlaufen würde. So ein »Tier« müsse doch kirre zu machen sein, meinten sie, und wenn es nicht anders ginge, denn mit Schlägen. Durchgewalkt müsse sie werden, aber dann gleich so, dass es zöge.

Для студентов

Gerhart Hauptmann «Bahnwärter Thiel»

An einem Junimorgen gegen sieben Uhr kam Thiel aus dem Dienst. Seine Frau hatte nicht so bald ihre Begrüßung beendet, als sie schon in gewohnter Weise zu lamentieren begann. Der Pachtacker, welcher bisher den Kartoffelbedarf der Familie gedeckt hatte, war vor Wochen gekündigt worden, ohne dass es Lene bisher gelungen war, einen Ersatz dafür ausfindig zu machen. Wenngleich nun die Sorge um den Acker zu ihren Obliegenheiten gehörte, so musste doch Thiel einmal übers andre hören, dass niemand als er daran schuld sei, wenn man in diesem Jahre zehn Sack Kartoffeln für schweres Geld kaufen müsse. Thiel brummte nur und begab sich, Lenens Reden wenig Beachtung schenkend, sogleich an das Bett seines Ältesten, welches er in den Nächten, wo er nicht im Dienst war, mit ihm teilte. Hier ließ er sich nieder und beobachtete mit einem sorglichen Ausdruck seines guten Gesichts das schlafende Kind, welches er, nachdem er die zudringlichen Fliegen eine Weile von ihm abgehalten, schließlich weckte. In den blauen, tiefliegenden Augen des Erwachenden malte sich eine rührende Freude. Er griff hastig nach der Hand des Vaters, indes sich seine Mundwinkel zu einem kläglichen Lächeln verzogen. Der Wärter half ihm sogleich beim Anziehen der wenigen Kleidungsstücke, wobei plötzlich etwas wie ein Schatten durch seine Mienen lief, als er bemerkte, dass sich auf der rechten, ein wenig angeschwollenen Backe einige Fingerspuren weiß in rot abzeichneten.

Als Lene beim Frühstück mit vergrößertem Eifer auf vorbereitete Wirtschaftsangelegenheit zurückkam, schnitt er ihr das Wort ab mit der Nachricht, dass ihm der Bahnmeister ein Stück Land längs des Bahndammes in unmittelbarer Nähe des Wärterhauses umsonst überlassen habe, angeblich weil es ihm, dem Bahnmeister, zu abzugeben sei.

Lene wollte das anfänglich nicht glauben. Nach und nach wichen jedoch ihre Zweifel, und nun geriet sie in merklich gute Laune. Ihre Fragen nach Größe und Güte des Ackers sowie andre mehr verschlangen sich förmlich, und als sie erfuhr, dass bei alledem noch zwei Zwergobstbäume darauf stünden, wurde sie rein närrisch. Als nichts mehr zu erfragen übrig blieb, zudem die Türglocke des Krämers, die man, beiläufig gesagt, in jedem einzelnen Hause des Ortes vernehmen konnte, unaufhörlich anschlug, schoss sie davon, um die Neuigkeit im Örtchen auszusprennen.

Während Lene in die dunkle, mit Waren überfüllte Kammer des Krämers kam, beschäftigte sich der Wärter daheim ausschließlich mit Tobias. Der Junge saß auf seinen Knien und spielte mit einigen Kieferzapfen, die Thiel mit aus dem Walde gebracht hatte.

»Was willst du werden?« fragte ihn der Vater, und diese Frage war stereotyp wie die Antwort des Jungen: »ein Bahnmeister.« Es war keine Scherzfrage, denn die Träume des Wärters verstiegen sich in der Tat in solche Höhen, und er hegte allen Ernstes den Wunsch und die Hoffnung, dass aus Tobias mit Gottes Hilfe etwas Außergewöhnliches werden sollte. Sobald die Antwort »ein Bahnmeister« von den blutlosen Lippen des Kleinen kam, der natürlich nicht wusste, was sie bedeuten sollte, begann Thiels Gesicht sich aufzuhellen, bis es förmlich strahlte von innerer Glückseligkeit.

»Geh, Tobias, geh spielen!« sagte er kurz darauf, indem er eine Pfeife Tabak mit einem im Herdfeuer entzündeten Span in Brand steckte, und der Kleine drückte sich alsbald in scheuer Freude zur Türe hinaus. Thiel entkleidete sich, ging zu Bett und entschlief, nachdem er geraume Zeit gedankenvoll die niedrige und rissige Stubendecke angestarrt hatte. Gegen zwölf Uhr mittags erwachte er, kleidete sich an und ging, während seine Frau in ihrer lärmenden Weise das Mittagbrot bereitete, hinaus auf die Straße, wo er Tobiaschen sogleich aufgriff, der mit den Fingern Kalk aus einem Loche in der Wand kratzte und in den Mund steckte. Der Wärter nahm ihn bei der Hand und ging mit ihm an den etwa acht Häuschen des Ortes vorüber bis hinunter zur Spree, die schwarz und glasig zwischen schwach belaubten Pappeln lag. Dicht am Rande des Wassers befand sich ein Granitblock, auf welchen Thiel sich niederließ.

**Испанский язык:
Для школьников**

RUBÉN DARÍO

EN CHILE. ALBÚM PORTEÑO. EN BUSCA DE CUADROS (I), ACUARELA (II).

Sin pinceles, sin paleta, sin papel, sin lápiz, Ricardo, poeta lírico incorregible, huyendo de las agitaciones y turbulencias, de las máquinas y de los fardos, del ruido monótono de los tranvías y el chocar de las herraduras de los caballos con su repiqueteo de caracoles sobre las piedras; de las carreras de los corredores frente a la Bolsa, del tropel de los comerciantes; del grito de los vendedores de diarios; del incesante bullicio e inacabable hervor de este puerto; en busca de impresiones y de cuadros, subió al cerro Alegre que, gallardo como una gran roca florecida, luce sus flancos verdes, sus montículos coronados de casas risueñas escalonadas en la altura, rodeadas de jardines, con ondeantes cortinas de enredaderas, jaulas de pájaros, jarras de flores, rejas vistosas y niños rubios de caras angélicas.

Abajo estaban las techumbres de Valparaíso que hace transacciones, que anda a pie como una ráfaga, que puebla los almacenes e invade los bancos, que viste por la mañana torno crema o plumizo, a cuadros, con sombrero de paño, y por la noche bulle en la calle del Cabo con lustroso sombrero de copa, abrigo al brazo y guantes amarillos, viendo a la luz que brota de las vidrieras, los lindos rostros de las mujeres que pasan.

Más allá, el mar acerado, brumoso, los barcos en grupo, el horizonte azul y lejano. Arriba, entre opacidades, el sol.

Donde estaba el soñador empedernido, casi en lo más alto del cerro, apenas si se sentían los estremecimientos de abajo. Erraba él a lo largo del Camino de Cintura e iba pensando en idilios, con toda la augusta desfachatez de un poeta que fuera millonario.

Había allí aire fresco para sus pulmones, casas sobre cumbres, como nidos al viento, donde bien podía darse el gusto de colocar parejas enamoradas, y tenía, además, el inmenso espacio azul, del cual, – él lo sabía perfectamente, – los que hacen los salmos y los himnos pueden disponer como les vengan en antojo.

De pronto escuchó: "¡Mary! ¡Mary!"

Y él, que andaba a caza de impresiones y en busca de cuadros, volvió la vista.

Había cerca un bello jardín, con más rosas que azules y más violetas que rosas. Un bello y pequeño jardín, con jarrones, pero sin estatuas, con una pita blanca, pero sin surtidores, cerca de una casita como hecha para un cuento dulce y feliz.

En la pita un cisne chapuzaba revolviendo el agua, sacudiendo las alas de un blancor de nieve, enarcando el cuello en la forma del brazo de una tira o del ansa de una ánfora, y moviendo el pico húmedo y con tal lustre como si fuese labrado en una ágata de color de rosa.

En la puerta de la casa, como extraída de una novela de Dickens, estaba una de esas viejas inglesas, únicas, solas, clásicas. Con la cofia encintada, los anteojos sobre la nariz, el cuerpo encorvado, las mejillas arrugadas, más con color de manzana madura y salud rica. Sobre la saya oscura, el delantal.

Llamaba:

— ¡Mary!

El poeta vio llegar una joven de un rincón del jardín, hermosa, triunfal, sonriente; y no quiso tener tiempo sino para meditar en que son adorables los cabellos dorados, cuando flotan sobre las nuca marmóreas, y en que hay rostros que valen bien por un alba.

<...>

Ricardo, poeta lírico que andaba a caza de cuadros, estaba allí con la satisfacción de un goloso que paladea cosas esquisitas.

Y la anciana y la joven:

— ¿Qué traes?

— Flores.

Mostraba Mary su falda llena como de iris hechos trizas, que revolvía con una de sus manos gráciles de ninfa, mientras sonriendo su linda boca purpurada, sus ojos abiertos en redondo dejaban ver un color de lapizlázuli y una humedad radiosa.

El poeta siguió adelante.

Для студентов

RUBÉN DARÍO. CUENTOS EN PROSA.

EL PÁJARO AZUL.

París es teatro divertido y terrible. Entre los concurrentes al café Plombier, buenos y decididos muchachos – pintores, escultores, poetas – sí, ¡todos buscando el viejo laurel verde!, ninguno más querido que aquel pobre Garcín, triste casi siempre, buen bebedor de ajenjo, soñador que nunca se emborrachaba, y, como bohemio intachable, bravo improvisador. En el cuartucho destartado de nuestras alegres reuniones, guardaba el yeso de las paredes, entre los esbozos y rasgos de futuros Delacroix, versos, estrofas enteras escritas en la letra echada y gruesa de nuestro amado *pájaro azul*. El *pájaro azul* era el pobre Garcín. ¿No sabéis por qué se llamaba así? Nosotros le bautizamos con ese nombre. Ello no fue un simple capricho. Aquel excelente muchacho tenía el vino triste. Cuando le preguntábamos por qué cuando todos reíamos como insensatos o como chicuelos, él arrugaba el ceño y miraba fijamente el cielo raso, nos respondía sonriendo con cierta amargura:

— Camaradas: habéis de saber que tengo un pájaro azul en el cerebro, por consiguiente...

Sucedía también que gustaba de ir a las campiñas nuevas, al entrar la primavera. El aire del bosque hacía bien a sus pulmones, según nos decía el poeta. De sus excursiones solía traer ramos de violetas y gruesos cuadernillos de madrigales, escritos al ruido de las hojas y bajo el ancho cielo sin nubes. Las violetas eran para Nini, su vecina, una muchacha fresca y rosada que tenía los ojos muy azules. Los versos eran para nosotros. Nosotros los leíamos y los aplaudíamos.

Todos teníamos una alabanza para Garcín. Era un ingenuo que debía brillar. El tiempo vendría. Oh, el pájaro azul volaría muy alto. ¡Bravo! ¡Bien! ¡Eh, mozo, más ajenjo!

<...>

A veces Garcín estaba más triste que de costumbre. Andaba por los bulevares; veía pasar indiferente los lujosos carruajes, los elegantes, las hermosas mujeres. Frente al escaparate de un joyero sonreía; pero cuando pasaba cerca de un almacén de libros, se llegaba a las vidrieras, husmeaba, y al ver las lujosas ediciones, se declaraba decididamente envidioso, arrugaba la frente; para desahogarse volvía el rostro hacia el cielo y suspiraba. Corría al café en busca de nosotros, conmovido, exaltado, casi llorando, pedía un vaso de ajenjo y nos decía:

— Sí, dentro de la jaula de mi cerebro está preso un pájaro azul que quiere su libertad...

Hubo algunos que llegaron a creer en un descalabro de razón. Un alienista a quien se le dio noticias de lo que pasaba, calificó el caso como una monomanía especial. Sus estudios patológicos no dejaban lugar a duda. Decididamente, el desgraciado Garcín estaba loco.

Un día recibió de su padre, un viejo provinciano de Normandía, comerciante en trapos, una carta que decía lo siguiente, poco más o menos: "*Sé tus locuras en París. Mientras permanezcas de ese modo, no tendrás de mí un solo sou. Ven a llevar los libros de mi almacén, y cuando hayas quemado, gandul, tus manuscritos de tonterías, tendrás mi dinero.*"

Esta carta se leyó en el Café Plombier.

— ¿Y te irás?

— ¿No te irás?

— ¿Aceptas?

— ¿Desdeñas?

¡Bravo Garcín! Rompió la carta y soltando el trapo a la vena, improvisó unas cuantas estrofas, que acababan, si mal no recuerdo:

*¡Sí, seré siempre un gandul,
lo cual aplaudo y celebro,
mientras sea mi cerebro
jaula del pájaro azul!*

Desde entonces Garcín cambió de carácter. Se volvió charlador, se dio un baño de alegría, compró levita nueva, y comenzó un poema en tercetos titulado, pues, es claro: *El pájaro azul*.

Cada noche se leía en nuestra tertulia algo nuevo de la obra. Aquello era excelente, sublime, disparatado. Allí había un cielo muy hermoso, una campiña muy fresca, países brotados como por la magia del pincel de Corot, rostros de niños asomados entre flores; los ojos de Nini húmedos y grandes; y por añadidura, el buen Dios que envía volando, volando, sobre todo aquello, un pájaro azul que sin saber cómo ni cuándo anida dentro del cerebro del poeta, en donde queda aprisionado. Cuando el pájaro canta, se hacen versos alegres y rosados. Cuando el pájaro quiere volar abre las alas y se da contra las paredes del cráneo, se alzan los ojos al cielo, se arruga la frente y se bebe ajenjo con poca agua, fumando, además, por remate, un cigarrillo de papel.

He ahí el poema.

Una noche llegó Garcín riendo mucho y, sin embargo, muy triste.

La bella vecina había sido conducida al cementerio.

— ¡Una noticia! ¡Una noticia! Canto último de mi poema. Nini ha muerto. Viene la primavera y Nini se va. Ahorro de violetas para la campiña. Ahora falta el epílogo del poema. Los editores no se dignan siquiera leer mis versos. Vosotros muy pronto tendréis que dispersaros. Ley del tiempo. El epílogo debe titularse así: "*De cómo el pájaro azul alza el vuelo al cielo azul*".

¡Plena primavera! Los árboles florecidos, las nubes rosadas en el alba y pálidas por la tarde; el aire suave que mueve las hojas y hace aletear las cintas de los sombreros de paja con especial ruido. Garcín no ha ido al campo.

Hele ahí, viene con traje nuevo, a nuestro amado Café Plombier, pálido, con una sonrisa triste.

— ¡Amigos míos, un abrazo! Abrazadme todos, así, fuerte; decidme adiós con todo el corazón, con toda el alma... El pájaro azul vuela...

Y el pobre Garcín lloró, nos estrechó, nos apretó las manos con todas sus fuerzas y se fue.

Французский язык:

Для школьников

Cher ami

Je ne sais pas la date exacte de votre anniversaire ; mais je sais qu'elle est en ce mois, et, vraisemblablement, vers ces jours. Je veux que cette lettre vous porte mes pensées affectueuses. Vous êtes né sous le signe de la fin de l'hiver, de la naissance du printemps, aux alentours de l'équinoxe. Et cette coïncidence est assez symbolique de votre vie qui a été mêlée à la fin d'un monde, au surgissement d'un monde nouveau, parmi les tempêtes.

Vous avez été une sorte de grande arche entre les deux mondes, du passé, de l'avenir, – et vous l'êtes aussi, entre la Russie et l'Occident. Je salue l'arche. Elle domine la route. Et ceux qui viendront après nous, la verront encore longtemps après l'avoir passée.

Pour moi, qui ai eu la chance de vivre en même temps, et de partager, de loin, vos doutes et vos espoirs, je vous souhaite maintenant un soir serein sur vos labours, grand travailleur qui vous êtes levé avant le jour !

Et je vous embrasse fraternellement

R.R.

Il y a une quinzaine d'années, à Paris, une seule photographie ornait notre salle de rédaction. Elle représentait Tolstoy et Gorki, debout l'un à côté de l'autre dans le jardin de Iasnaïa-Poliana. Maintenant, des deux hommes, l'un, le grand vieillard apostolique, a disparu, à la veille de la catastrophe européenne qu'il avait prophétisée, et où sa voix nous manque cruellement. Mais l'autre, Maxime Gorki, reste droit à son poste, et ses libres accents nous consolent de la parole qui s'est tue.

Maxime Gorki est un des rares qui aient gardé intacts leur raison et leur amour de l'humanité. Il a osé parler pour les persécutés, pour les peuples bâillonnés. Le grand artiste qui partagea longtemps la vie des malheureux, des humbles, des victimes, des parias de la société, ne les a jamais reniés. Arrivé à la gloire, il se retourne vers eux et projette la lumière puissante de son art dans les replis de la nuit où l'on cache les misères et les injustices de la douleur ; elle ne ferme pas les yeux sur celle des autres...

Haud ignara mali, miseris succurrere disco...

C'est pourquoi, en ces jours d'épreuves, en ces jours où la liberté de l'esprit est partout opprimée, nous proclamons notre reconnaissance à Maxime Gorki. Et, par-dessus les batailles, les tranchées, l'Europe ensanglantée, nous lui tendons la main. À la face de la haine qui sévit entre les nations, nous affirmons l'union de la Nouvelle-Europe. Aux « Saintes-Alliances » guerrières des gouvernements, opposons la fraternité des libres esprits du monde entier !

Для студентов

Cher ami

J'ai passé avec vous – avec vos livres – bien des heures, ces mois derniers. Vous savez qu'on a publié récemment en français les traductions de votre *Vie d'Enfant*, du *Patron* (*Un hiver de ma vie*), et vos articles depuis 1917 (sous le titre : « *Écrits de révolution* »).

Vous avez eu plus que votre part des amertumes de la vie. Il faut que vous ayez l'âme chevillée au corps, pour avoir résisté à tant d'expériences flétrissantes. J'admire surtout que vous ayez pu conserver, avec un désenchantement absolu des hommes, un espoir immortel en la vie et en la raison humaine. Je marie bien, en moi aussi, pessimisme et optimisme (c'est le rythme vital : aspiration, expiration) mais je n'ai pas autant de mérite que vous à les harmoniser, car je n'ai pas été plongé, comme vous, dans les fondrières de ce terrible peuple, trouble, marécageux, sans ossature morale, qui n'est pas mauvais hélas ! – qui n'est ni vraiment bon, ni vraiment mauvais – qui ne sait pas ce qu'il est, qui est à lui-même son propre Saint Pierre se reniant vingt fois dans la journée... Comme vous le connaissez ! Après vous avoir lu, je sens combien le grand Tolstoy, qui m'est si cher, l'a idéalisé malgré lui : car si sa géniale intuition transperçait l'âme d'un éclair, l'éclair n'illuminait les ténèbres qu'un moment ; et d'après ce seul moment, il jugeait toute l'âme. Il ne voyait le peuple qu'en passant ; il ne partageait pas son pain et sa vie.

Et que c'est étrange, pourtant ! Vous qui les partagez, il semble (à lire votre récit : *Le patron*) que vous n'étiez pas de la même race. Dans l'infecte soupente du boulanger, vous restiez un étranger, un petit aristocrate de l'intelligence. Vos camarades, le patron même en avaient conscience.

Je l'ai compris, plus clairement encore, en lisant votre *Discours*, en novembre 1918, à la société Koultoura y Svoboda de Moscou – quand vous parlez de cette jeune *intelligenzia* ouvrière, « aussi détachée de la masse, aussi solitaire au milieu du prolétariat, que l'est notre vieille *intelligenzia* bourgeoise... » Je crois, comme vous, que notre tâche devrait être d'unir ces deux *intelligenzias*. Le vrai progrès du monde en dépend. – Nous en faisons à Paris quelques essais. Dans l'ensemble, vos « écrits de révolution » donnent de beaux exemples de courage civique. De vous entendre dire au peuple victorieux et aux marins menaçants de rudes vérités, cela me fait du bien, cela me rend fier de l'*intelligenzia* : – ou plutôt cela me console de toutes les lâchetés que j'ai vu faire, ailleurs, aux intellectuels.

Sur votre appréciation de l'Orient, je ne suis pas d'accord avec vous. J'y vois une source de renouvellement puissant pour la civilisation humaine. Mais notre divergence de pensée s'explique, je crois, parce qu'il y a plusieurs Orients, et que nous ne parlons pas du même. Vous en avez surtout à l'Orient fataliste, dissolvant des volontés, qui s'est infiltré en Russie. Mais j'en connais un autre, d'idéalisme et d'action héroïques, aux Indes et dans la Chine nouvelle. Vous ne trouvez pas, j'imagine, que mon *Jean-Christophe* soit un fataliste énervé ? Eh bien, songez que, dans sa crise la plus héroïque de volonté qui, sanglante et près de succomber, reprend l'éternelle bataille, – dans le dialogue avec son Dieu du *Buisson Ardent*, – les jeunes Hindous ont retrouvé presque textuellement (sans que je les aie connus) des hymnes védiques à Vishnou et à Civa, c'est-à-dire le plus pur de leur pensée. – Bouddhà, comme Laotse, ne sont que l'expression (sublime) d'un âge de pessimisme déçu de l'action. Mais le Védisme et le Brahmanisme primitif sont des torrents d'énergie. Et dans des milliers d'âmes d'Asie ils ne sont pas taris. Les grandes forces de l'âme humaine ne meurent jamais. Elles sommeillent. Qu'elles soient d'Europe ou d'Asie, je voudrais les réveiller toutes.

J'espère que votre santé se rétablit. Je serais heureux de le savoir.

Je vous serre affectueusement les mains, cher ami. Croyez que nous sommes, en France, un petit groupe d'amis qui vous aiment bien.

Votre

ROMAIN ROLLAND

**Китайский язык:
Для школьников**

正式走进课堂

又一年过去了，高尔基已经8岁了，回到娘家的瓦尔瓦拉把儿子送进了库纳文诺初级学校读书。这是一所城市贫民学校，高尔基上学第一天就对这里感到厌恶和反感。

由于贫穷，高尔基入学那天，脚上穿的是母亲的旧皮鞋，大衣是外祖母的上衣改成的，下面穿着黄衫衣和松腿的裤子。

这种奇特的打扮顿时引起了同学们嘲笑，由于高尔基穿一件黄衬衫，他们就给他起了个绰号叫“苦役犯”。

这些高尔基都能忍受，他很快便与同学们打成了一片，只是他的班主任和神甫却不怎么喜欢他。

高尔基坐在教室的第一排，班主任总喜欢注意高尔基的一举一动，他总是揶揄这个学生，使其难堪。高尔基常常听到他用难听的声音反反复复地说：“彼什科夫，你应该换一件衬衫！彼什科夫，你的脚不要动来动去！彼什科夫，从你的皮鞋里又流出一汪水了！”

对于班主任的这种态度，高尔基想出了一个方法来报复他。一天，高尔基在垃圾里捡了半个西瓜皮，用绳子把它穿牢，吊在黑乎乎的教室门洞的滑轮上。当门打开时，西瓜皮就升上去，而门关上时，西瓜皮就像帽子一样地扣在了班主任的头上。事情的结果是，学校的门卫带着班主任的字条把高尔基带回了家。为了这场恶作剧，高尔基被母亲狠狠地揍了一顿。

高尔基的神学老师是个神甫，长得英俊漂亮，有一头浓黑而富有动感的头发。他的相貌有点像耶稣，优雅端正的脸孔上有一对如女人般柔情似水的眼睛。他的那双小手也纤细中透出温柔味，无论拿什么东西，都令人赏心悦目。每当他拿书、尺子或羽毛笔时，动作既谨慎又优雅，宛如这些东西是具有悟性的脆弱的生灵似的，他生怕它们由于自己的鲁莽动作而受到伤害。

但神学老师的这种怜悯之心却并没有转移到人的身上，他对待学生可没有这样温和。他不喜欢高尔基的原因是这个学生没有上课必需的课本《新旧约使徒行传》，还因为高尔基总是学他的口头语。每当上神学课时，神甫走进教室的第一句话就是：“彼什科夫，今天带书来了吗？嗯！书带来了吗？”

高尔基马上起身故作恭敬地回答：“哦！没有，没带来。嗯！书我忘带了。”

神甫提高了嗓门问道：“什么？你说什么，嗯？”

高尔基大声地回答：“我说我真的没有带来！”

神甫生气地说：“嗯！那你就回家去吧！对，没错，回家去，因为我不想教你。是的，不想教你。”

神甫的这些话并没有使高尔基感到难过，他走出教室，溜出学校，来到小镇上，在泥泞肮脏的街道上，百无聊赖地闲逛着，直至学校放学。

以后，高尔基仍然不带书去，因为他没有钱买书，也不喜欢上神学课，况且因为不带书，还可以到街上去闲逛。

尽管高尔基的功课还不错，但当神甫看到高尔基丝毫没有悔改的迹象，终于发怒了。不久，高尔基得到学校的通知，由于他的所作所为，他将被开除。

高尔基开始担心了，因为如果他被学校开除，就一定会伤母亲的心，他当然不希望那样。

幸运的是，赫利桑弗主教来到了学校，帮了高尔基一个大忙。

这位主教个子不高，头戴一顶普通的高筒帽子，身穿一件宽大的黑色的袍子，样子有点像巫师。这天，他走进高尔基所在的班级，坐在讲台后面，撩开宽肥的衣袖，露出两只手来说道：“来，孩子们，让我们来谈谈吧！”

主教柔和亲切的声音，使得教室里的气氛立刻变得温暖而愉快。他挨个询问了很多同学以后，把高尔基叫到讲台跟前，和善地问道：“小弟弟，你今年多大了？哦！还很小呢！不过，你的个子倒是不低呀！如果这样的话，你是不是常常被雨水浇啊？”

主教几句话就把高尔基逗乐了，他很愿意和这位穿黑色袍子的人说话。

主教又问高尔基：“那么，你可不可以给我讲一讲，你最喜欢《新旧约使徒行传》中的哪一个故事呢？”

高尔基难为情地告诉主教自己没有书，根本就没有学过《新旧约使徒行传》。

主教伸手扶了扶自己的高筒帽子，神情严肃地问道：“这是怎么回事？要知道，这是必须要学习的！不过你虽没学过，也许你会听别人讲过吧？那么，你会念圣诗吗？”

高尔基低下头小声地回答：“会念一点。”

主教高兴地拍了一下手，说：“这太好了！看来你是个什么都知道的人呢！”

主教要高尔基背诵圣诗，高尔基很轻易地就背了很多首。

高尔基感觉到主教是一个平易近人、喜欢了解别人内心世界的人，他非常愿意和主教聊天。

而主教呢，也为高尔基能够背诵这么多的诗而大吃一惊。后来，主教问道：“你以前学过《颂诗》？是谁教你的，慈爱的外祖父，还是冷酷的外祖父？哦！是这样的，你是不是老是调皮捣蛋的？”

高尔基犹豫了一下，坦白地说：“是的。”

站在旁边的老师和神甫点头表示他说的是实话。

主教叹了口气说道：“你到底为什么要淘气呢？”

（《高尔基从流浪儿到文化巨人的故事》 作者：竭宝峰）

Для студентов

在家学习识字

小高尔基6岁的时候，外祖父开始教他识字。

这天晚上，外祖父不知从什么地方找来一本薄薄的小书，一边用书在他的头上啪啪地敲着，一边兴奋地对他说：“喂！捣蛋鬼，来，过来，你快点过来。你这个高颧骨的调皮鬼，快坐下。你瞧这个字，这第一个字母念‘阿兹’，第二个字母念‘布基’，第三个念‘韦季’，知道了吗？”

小高尔基跟着外祖父念道：“阿兹，布基，韦季。”

外祖父抓起小外孙的手说：“嗯！看这里，你要用手指指着念，不然，你能分得清吗？”

于是，小高尔基就一个字母一个字母指着，念道：“阿兹，布基，韦季。”看到小外孙这样认真，外祖父很高兴，他自言自语地说：“他那死去的舅妈娜塔莉娅总说这小家伙记性不好，这话可不对。你瞧，他的记性可比我当年好多了。”

在俄国，学习都要从学习字母的读音开始，而学会了字母的读音并不意味着就会拼单词。

高尔基的外祖父当时还没能掌握拼音学习法。拼音学习法是俄国教育家乌申斯基在1864年才发明的。由于当时俄国还正在进行农奴制改革，一切都还很落后，文化工作更是滞后，所以像高尔基外祖父那样居于社会底层的小人物，很难接触到先进的文化信息，更不要说去学习和掌握了。

很多年以后，长大后的高尔基终于接触到了拼音法，想想自己当时学习的困难劲儿，他不禁感叹道：“无论在哪些方面，科学总是在减轻人们的劳动，节省人们的精力，使人们不至于无谓地浪费。”

小高尔基用了3天的时间记住了所有的字母，接着就开始学习单词。

但学习俄文单词是一件相当困难的事。为了读出“窗户”这么个单词，按照当时的读法就得念出一长串毫无意义的音名。

多音节的单词就更麻烦了。那些毫无意义的音节所造成的混乱，让小小年纪的高尔基立即对学习产生了厌倦的情绪。此时，他的反应慢了，思路也跟不上了，理解力甚至变得非常迟钝。他不知所云地瞎念了一通之后，便不禁哈哈大笑了起来。外祖父见他那个样子，就气急败坏地用树枝打他的屁股。

这种滑稽而痛苦的学习持续了大约一个月左右，当外祖父要他朗读用教会斯拉夫文书写的《圣诗集》时，简直就无法忍受了。外祖父分不清斯拉夫文体和民间文体每个字母之间的异同点，他虽然能读，却不知道为什么要这么读。

由于外祖父无法解释清楚两种文体之间的关系，小高尔基就更糊涂了。每当他念错的时候，性情急躁的外祖父就过来扯他的耳朵，并骂道：“啊，你到底有没有在听，有没有在听我说？”

这种痛苦的学习持续了大约4个月，年幼的高尔基终于学会了俄国“民间字母”和“教会斯拉夫字母”两种相近的读法，搞清楚了两读法的异同点。

但由于他总是不断地挨揍，对读书和书籍产生了一种很强的抵触情绪。

不过，由于高尔基认字认得很快，外祖父对他越来越喜欢，后来也很少打他了。所以，年幼的高尔基有时又觉得读书是一件挺不错的事情。

后来，高尔基的母亲回来了。过了不久，母亲开始积极地教高尔基世俗的识字课本。因为高尔基开始学的是斯拉夫的教会文，所以不认识“世俗体”的文字。她买了几本书，从其中的一本《国语》小学教科书里教高尔基识字。高尔基费了几天工夫，就学会了读世俗体文学的本领。可是，母亲马上让他学背诗，这使高尔基又烦恼起来。

不久，母亲开始让高尔基背更多的诗，高尔基不堪重负，记忆力越来越坏。

他常常想把那些诗行另换一个说法，使它变样，并配上其他字眼，这个愿望越来越强烈。

一次，母亲让高尔基背这样一首诗：

道路啊！平直宽广，
上帝的旷野上，你自由翱翔。
不用开辟，无须整饬，
马蹄踩在你柔和的躯体上，尘土飞扬。

高尔基总是把“旷野”念成“普通”，把“开辟”念成“砍平”，把“马蹄”念成“马帝”。

母亲一次又一次地在旁边提醒他说：“喂！你动脑子想一想，为什么要念成‘普通’？你这个小东西，你应当念作‘旷野’，记住了吗？”

虽然小高尔基知道该怎么念，可是从他嘴里发出的词语却总是会走了样。于是，在同这种书面诗歌作品的“斗争”中，产生了高尔基最早的口头创作。小高尔基渐渐发现，母亲待在外祖父家越来越愁眉不展，她用陌生的眼光看待周围的人和事。高尔基看到而且感受到母亲在外祖父家生活是多么地难，这让高尔基很难受。

有一天晚上，喝过茶后，高尔基和外祖父坐在厨房念诗，忽然雅科夫舅舅闯了进来，说米哈伊洛舅舅在他家喝醉了，打碎了碗碟和窗户，把一块染好的毛料撕得一块一块的，现在他正往这边来，要杀死外祖父。

米哈伊洛舅舅由于看见父亲将染坊交给了弟弟而没有分给自己，心里很不高兴，所以经常来田野街的房子找茬。有很多次，他都被外祖父请来的打手们拖出门外。

（《高尔基从流浪儿到文化巨人的故事》 作者：竭宝峰）